Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. С.А. Соллертинский

Наказания в системе христианского анализа

Опубликовано:
Христианское чтение. 1876. № 5-6. С. 755-792.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Наказанія въ системѣ христіанскаго воспитанія

(опытъ педагогическаго анализа).

Г. Спасовичъ защитникъ Кроненберга, обвинявшагося въ истязаніи своей дочери, выразилъ въ началѣ своей рѣчи, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ боится отвлеченнаго призрака, хотя привыкъ къ защитѣ и велъ не смущаясь дѣла далеко болѣе сложныя и трудныя. И нѣтъ, разумѣется, ничего мудренаго въ томъ, что онъ не находилъ поддержки, а можетъ быть встрѣчалъ даже прямую помѣху своему вдохновенію въ эстетическомъ чувствѣ, которое понятно должно было возмущаться какъ всѣми этими шрамами, рубцами и т. д., такъ и представлявшимся образомъ защищаемаго кліента, который, притѣсняя совсѣмъ беззащитную личность, ничѣмъ не рисковалъ, а, имѣя готовое оправданіе въ своей родительской власти, легко могъ улаживать съ своею совѣстію и считалъ себя застрахованнымъ отъ вмѣшательствъ внѣшняго закона. Однако если оставить въ сторонѣ развитыя чувства самого г. Спасовича и свойственную ему брезгливость къ тому, что должно по всѣмъ основаніямъ вызывать это чувство, то чуть-ли не вѣрнѣе будетъ усматривать въ выраженной имъ боязни смѣлость проницательнаго человѣка, который знаетъ присущее большинству родителей двойственное отношеніе къ наказаніямъ и, уваживъ эту двойственность, тѣмъ самымъ поставилъ свою защиту такъ, какъ того требовали ея спеціальные интересы. На самомъ дѣлѣ, судя по всему, слѣдуетъ положить за правило, что отецъ, мать, воспита-

тель, наказывая дѣтей хоть бы ежедневно, считая наказаніе дѣломъ необходимости, въ тоже время, какъ только начнутъ рисовать въ своемъ воображеніи всѣ подробности наказыванія, непремѣнно почувствуютъ нужду занять свою фантазію чѣмъ нибудь другимъ, будутъ подавлять всякую возникшую подробность какъ непріятное напоминаніе, подставляющее имъ портретъ ихъ же самихъ въ крайне неблаговидномъ свѣтѣ; и безспорно съ радостію встрѣтили бы какое-либо по характеру совсѣмъ иное, но при этомъ не менѣе сподручное средство для достиженія своихъ исправительныхъ цѣлей. Однако для громаднаго большинства подобнаго замѣняющаго средства не видится, не существуетъ, а старое оказывается столь удобнымъ по своей ни съ чѣмъ не сравнимой простотѣ и легкости примѣненія. И вотъ поэтому тѣ чувства, подъ вліяніемъ которыхъ наша мысль въ наказаніяхъ усматриваетъ прямое противорѣчіе требованіямъ человѣчности, становятся обузой, дающей знать, что сообразно съ ними можно разсуждать, а не поступать, что они внушаютъ намъ такія отношенія къ дѣтямъ, которыя безспорно прекрасны, но къ сожалѣнію совсѣмъ неосуществимы на дѣлѣ. Отсюда, когда человѣкъ, поставленный въ необходимость опредѣлительно высказаться за или противъ наказаній, говоритъ, что чувства, отъ наказаній рѣшительно отвращающія, только лишь смущаютъ его, но въ дѣловомъ размышленіи онъ значенія имъ придать не можетъ, въ такомъ случаѣ, полагаю, онъ только лишь смѣло и прямо высказываетъ то, что безспорно таится въ мысли людей (напр. присяжныхъ), съ которыми говоритъ, и чтобы говорить съ ними о наказаніи языкомъ понятнымъ для нихъ, тактично рѣшился отбросить требованія „призрачныхъ“ приличій, по которымъ принято на словахъ по крайней мѣрѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ относиться отрицательно. Наоборотъ человѣкъ, который бы захотѣлъ настаивать на безспорной справедливости и авторитетности того, что подсказываютъ призрачныя приличія, который бы поэтому рѣшился говорить противъ тѣлесныхъ наказаній, такой человѣкъ долженъ ожидать, что его сочтутъ или за наивнаго, не обстрѣленнаго опытомъ или за мора-

листа, который хочетъ выставить себя на высотѣ не въ урядъ съ прочими и который, если онъ отецъ, воспитатель, завтра же на дѣлѣ сойдетъ съ своего пьедестала [1]). И отсюда ясно, кому изъ двухъ *на самомъ дѣлѣ* приходится бояться, кому требуется весь наличный запасъ гражданскаго мужества.

Кажется не одно лишь исключительное (по рѣдкости случаевъ) желаніе адвоката, во что-бы то ни стало, ослабить виновность своего кліента-подсудимаго, но также и болѣе обыденное желаніе воспитателя какъ-нибудь резонно успокоить свою совѣсть, возмущенную тяжолымъ и неумѣреннымъ наказаніемъ питомца, располагаетъ въ разсужденіи наказаній отстранять точку зрѣнія, которой держался въ дѣлѣ Кропенберга г. прокуроръ и считать единственно умѣстною ту, на которой настаивала защита. Въ обоихъ случаяхъ одинаково есть расположеніе оцѣнять справедливость или несправедливость произведеннаго наказанія не въ виду *обязанностей* воспитателя къ человѣческой личности другихъ, благосостоянія кото-

---

[1]) А у Пальмера,—на взглядъ котораго (Evangelische Pädagogik. Stuttgart 1862 г. 3 Aufl. pag. 325) тѣлесное наказаніе такъ же хорошо замѣняетъ всѣ другіе роды его, какъ золото замѣняетъ всѣ другія средства обмѣна,—противъ наказаній говорятъ лишь тѣ, которые отрицаютъ временныя и вѣчныя наказанія Бога (p. 321). Если это намекъ на опредѣленную личность, имѣющую видное мѣсто въ педагогической литературѣ, то намекъ именно на Базедова, но намекъ больше по невѣденію, потому что Базедовъ, говоря лишь о совершенной возможности избѣгнуть наказыванія въ *частномъ* воспитаніи (Practische Philosophie f. alle Stände. Dessau. 1777, 2 Aufl. B. 2, p. 59, 45), вообще признаетъ его необходимымъ и для ранняго дѣтства считаетъ за единственно вѣрное средство die Ruthe (ib. p. 58). А что человѣкъ глубоко вѣрующій въ христіанскій догматъ воздаянія можетъ весьма подозрительно относиться къ наказаніямъ, это лучше всего доказывается живымъ примѣромъ Амоса Коменскаго, котораго религіозность чисто христіанская—фактъ никѣмъ не оспориваемый (въ педагогикѣ онъ склоняется къ піэтистическому направленію, выставившему какъ первую цѣль образованія благочестіе, которое выше всѣхъ глубокихъ знаній) и который какъ-бы извиняется въ допущеніи палки для безсильныхъ, безхарактерныхъ Фригійцевъ (Grosse Unterr.-lehre, herausg. v. K. Richter. Leipzig, 2 Aufl. p. 232), подписываясь затѣмъ (ibid. p. 233) подъ рѣшительное осужденіе тѣлесныхъ наказаній д-ра теологіи Любинуса, высказанное послѣднимъ въ *предисловіи къ изданію Новаго Завѣта.*

рыхъ онъ нарушать не долженъ, и если нарушилъ, то тѣмъ болѣе виновенъ, чѣмъ ближе, роднѣе ему потерпѣвшая личность; но въ виду *правъ* воспитателя, каковыя по отношенію къ дѣтямъ отцу безспорно принадлежатъ въ самой широкой степени, и потому, если онъ въ пользованіи этими правами нарушилъ благосостояніе своего дѣтища до крайности, то виновенъ не въ примѣненіи своей власти тамъ, гдѣ власти не имѣетъ, а въ превышеніи своей, безспорно имѣющейся, власти. Придерживаясь послѣдней точки зрѣнія, защитникъ можетъ извинять кліента, отецъ—себя какъ тѣми благими намѣреніями, по которымъ онъ превышалъ свои права надъ дѣтищемъ, желая ему добра, а не зла, такъ равно незамѣтностью, удобопереходимостью рубежа раздѣляющаго дозволенное отъ недозволеннаго, который на дѣлѣ, въ дѣйствительномъ исправленіи какъ-бы стирается—или потому, что въ исправленіи чрезъ наказаніе, кромѣ исправительныхъ цѣлей, отцомъ неизбѣжно заправляютъ отвращеніе, ненависть къ исправляемому проступку, который меньше всего хотѣлось бы видѣть въ собственномъ дѣтищѣ; или потому, что очевидная глубокая безнравственность замѣченнаго проступка прямо, непосредственно вызываетъ стремленіе искоренить его разомъ, слѣдовательно употребить сильнѣйшее средство; а очевидная крѣпость извѣстной безнравственной склонности, вошедшей уже въ привычку, убѣждаетъ исправителя, что силу надо подавлять равномѣрной силой, и мягкими мѣрами ничего не подѣлаешь. Повторяю, если *на судѣ* существующая въ законѣ большая разница между взысканіями за истязаніе и за превышеніе родительскихъ правъ даетъ возможность не замѣчать, что означенное превышеніе, когда по существу оно сводится къ тиранству, есть истязаніе, а не превышеніе только; то въ практикѣ отца къ тому же склоняетъ тяжесть сознанія, что изъ исправителей онъ попалъ въ истязатели. Вотъ въ виду этого критическаго положенія родителей, совсѣмъ конечно не выдуманнаго, а скорѣе признаваемаго за дѣйствительное каждымъ изъ тѣхъ даже отцовъ, которые его не испытывали, считаемъ рѣшительно достовѣрнымъ, что по неотразимо-дѣйствующимъ субъективнымъ немощамъ судебное

рѣшеніе по дѣлу Кроненберга представляетъ для практики соблазнительный мотивъ увѣренно раздѣлять истязаніе съ точки зрѣнія обязательствъ къ личности другихъ отъ истязаній съ точки зрѣнія правъ на дѣтей; что это рѣшеніе, оправдывая подсудимаго, тѣмъ самымъ дозволяетъ снимать съ истязаній послѣдняго рода ихъ дѣйствительный смыслъ, изолируя ихъ въ особый видъ простыхъ превышеній. Потому что та функція, чрезъ которую въ лицѣ присяжныхъ высказывается общественное мнѣніе всего государства о такихъ или другихъ дѣйствіяхъ, не только встрѣтила, но и подтвердила тотъ взглядъ г. защитника, по которому вредныя, доходящія до изувѣрства отношенія родителей къ дѣтямъ мы должны оцѣнять не такъ, какъ-бы они оцѣнялись, когда бы разсматривались по существу дѣла (съ точки зрѣнія гуманности, съ точки зрѣнія слѣдствій, коими отражается въ дѣтяхъ жестокое обращеніе съ ними воспитателей и т. п.), но такъ, какъ эти грубыя отношенія могутъ оцѣняться, когда мы будемъ видѣть въ нихъ просто лишь превышеніе родительской власти. Кажется, что я нисколько не преувеличиваю значенія состоявшагося по дѣлу Кроненберга судебнаго рѣшенія. Я бы безспорно допустилъ преувеличеніе, если бы представлялъ дѣло такимъ образомъ, что судебное рѣшеніе въ практикѣ можетъ превратиться въ указанный соблазнительный мотивъ по зрѣломъ соображеніи, сознательно и завѣдомо. Но таже самая вещь можетъ произойти совершенно безъ вѣдома, не замѣчаясь въ сознаніи, и сказываться опять тоже незамѣтно самымъ дѣломъ въ болѣе взыскательномъ обращеніи съ питомцемъ.

Кому не извѣстно, что судебная власть для вполнѣ основательной, твердой оцѣнки преступленія можетъ призвать на помощь представителей спеціальности? И кому не понятно, что въ данномъ случаѣ для означенной власти прямое дѣло было обратиться именно къ экспертизѣ не медицинской, а педагогической? Правда, г. защитникъ замѣтилъ, что собственно говоря требовалась бы экспертиза именно педагогическая, но вызвать ее удержался. Такъ что это упоминаніе о педагогической экспертитѣ заслуживаетъ уваженія

только въ виду будущихъ подобныхъ же дѣлъ, какъ указаніе, что въ настоящемъ случаѣ въ содержаніе судебнаго процесса не взошла такая подробность, которая безспорно одна и могла бы вполнѣ освѣтить обсуждавшееся дѣло и которая также безспорно придала бы не малую силу прокуратурѣ, если бы была призвана не просто экспертиза, но экспертиза по возможности компетентная. Въ виду послѣдняго мы настаиваемъ на вызовѣ экспертовъ именно изъ педагогическаго общества, которое вѣроятно бы избрало изъ своей среды человѣка, спеціально изслѣдовавшаго съ педагогической точки зрѣнія наказаніе. Впрочемъ было бы все равно, если бы въ Москвѣ напр. или въ Одессѣ, былъ вызванъ профессоръ психологіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. А въ другихъ городахъ для экспертизы могутъ служить суду или директоры учительскихъ семинарій, или наставники педагогики въ семинаріяхъ духовныхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ правахъ родительскихъ надъ дѣтьми педагогическая наука различаетъ двѣ совершенно различныхъ стороны. Одну сторону представляютъ права естественныя, имѣющія свою основу, источникъ своего происхожденія въ тѣхъ непосредственныхъ, чувствуемыхъ каждымъ побужденіяхъ, дѣйствіе которыхъ давнымъ давно заставило родителей способность искуственнаго культивированія (чего-нибудь, въ естественномъ состояніи своемъ или ростущаго медленно, или доставляющаго менѣе противъ возможнаго результатовъ) примѣнять къ дѣтямъ подобно тому, какъ она практиковалась въ отношеніи къ животнымъ, которыхъ дѣлали домашними, къ растеніямъ, которыя стали предметомъ земледѣлія. Какова дѣйствительная стоимость этихъ побужденій, видно изъ того, что въ существѣ дѣла они суть чувства живѣйшей связи родителя съ дѣтищемъ, — такой притомъ связи, по которой, помимо нѣжнаго состраданія къ безпомощности сына, кромѣ вытекающей отсюда понятной обязанности, становится вполнѣ очевиднымъ, что не воспитать дитя, собственно говоря, значитъ не заботиться о самомъ же себѣ (напр. хоть о матеріальномъ своемъ благосостояніи, которое для крестьянина наприм. гораздо больше обезпечивается съ при-

вхожденіемъ новой, скорѣе противъ натуральнаго созрѣвшей и плодотворнѣе дѣйствующей рабочей силы) или о живомъ доказательствѣ своего личнаго достоинства, которое можетъ представлять хорошій сынъ и т. д. А по скольку отсюда открываются—и непосредственная принадлежность каждому по природѣ, и высокая, неотразимая сила естественныхъ побужденій къ воспитыванію, по столько мы само собой будемъ признавать за ними полную законность, отнюдь не по чувству только безсилія: не потому, что, если бы мы отрицали ихъ, отъ этого родители ни на одну іоту не меньше и чувствовали бы ихъ и дѣйствовали бы сообразно съ ними. Такимъ образомъ естественныя побужденія суть тѣ коренныя натуральныя причины, благодаря которымъ и именно имъ, воспитательская функція совершалась и будетъ совершаться вѣчно, не смотря ни на какія препятствія, уступая ихъ силѣ только лишь въ разсужденіи цѣлей и способовъ воспитанія, а отнюдь не существованія его въ дѣйствительности. Трудно объяснить себѣ ту живучесть фальшиваго увлеченія научной собственно рефлексіей, по которому въ педагогической литературѣ не замѣчали еще, что педагогическая наука, доказывая необходимость воспитыванія вообще, берется не за свое дѣло, что корни этой необходимости лежатъ глубже, и дѣло науки въ этомъ случаѣ только указать и перечесть неискоренимыя субъективныя побужденія къ воспитыванію, которыя писателями по педагогикѣ совсѣмъ не замѣчаются, какъ будто бы ихъ и нѣтъ. Отстраняясь же отъ этого увлеченія, придавая естественнымъ побужденіямъ такую важность, вы съ этимъ само собою признаете полную законность за естественными правами просто потому, что въ душѣ родителей они являются и суть не что иное, какъ мотивированное одобреніе той дѣятельности, къ которой энергически располагаютъ его признанныя естественныя побужденія. Законы человѣческаго духа таковы, что если я живо чувствую необходимость что нибудь сдѣлать, то всегда перевожу это въ долгъ и говорю: я обязанъ это сдѣлать, и сейчасъ пріискиваю въ своей головѣ дѣйствительныя или фиктивныя основанія, которыя показываютъ мнѣ, что

если я этого не сдѣлаю, то отъ этого потерплю ущербъ вотъ такой-то, или такой-то. А какъ скоро я чувствую обязанность сдѣлать то, что прямо касается *другаго* и что (какъ здѣсь) въ хорошихъ чувствахъ помѣхи себѣ не встрѣчаетъ, въ такомъ случаѣ я непремѣнно подыскиваю такія соображенія, которыя бы не только подкрѣпляли мою рѣшимость, но вмѣстѣ и отстраняли представленія, говорящія мнѣ о внѣшнихъ препятствіяхъ къ тому, что я хочу сдѣлать (въ настоящемъ случаѣ—самобытность духа питомца, свойственное этому духу естественное выростаніе, которое я хочу повернуть по своему). И потому-то я говорю не просто: „я обязанъ это сдѣлать“, а „я имѣю право это сдѣлать“. Есть ли эти права на самомъ дѣлѣ или ихъ нѣтъ, есть ли они, но въ извѣстной мѣрѣ, я все-равно отыщу права абсолютныя, потому что они необходимо требуются для неослабной рѣшимости осуществить предпринятое дѣло. Отсюда и видно, что, признавая права родительскія въ воспитаніи, мы, собственно говоря, желаемъ, видимъ всѣ причины желать, чтобы естественныя побужденія въ нихъ дѣйствовали съ надлежащею, свойственною имъ твердостію. Съ другой стороны очень вѣроятно, что родители всегда преувеличиваютъ безпомощность дѣтей. Но послѣдняя все-таки фактъ неоспоримый. За симъ самое преувеличеніе—происходи оно даже изъ самолюбиваго стремленія приписать себѣ, своей воспитательской дѣятельности, какъ можно болѣе заслугъ — во всякомъ случаѣ благотворно въ томъ смыслѣ, что усиливаетъ зоркость въ воспитателѣ, даетъ ему заповѣдь не плошать, потому что надѣяться не на кого и пенять придется на себя же. Поэтому чувствуемая имъ необходимость взять починъ и заправляющую роль въ воспитаніи заслуживаетъ полнаго уваженія и въ видахъ ея полезности. Значитъ, о законности естественныхъ правъ родителей надъ дѣтьми, т. е. о правѣ полной иниціативы въ разсужденіи того *искусственнаго* роста дѣтей, который происходитъ въ воспитаніи, не можетъ быть и рѣчи.

Остается лишь говорить о дѣйствительномъ пользованіи того или другаго изъ родителей этимъ правомъ. Что о дѣйствительномъ поль-

зованіи прирожденными правами слѣдуетъ спрашивать непремѣнно, допускаетъ каждый. Только еще вопросъ, въ какомъ же смыслѣ можно и нужно спрашивать объ этомъ; а между тѣмъ вся важность какъ разъ именно въ этомъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ, вездѣ *личный* стимулъ къ такой-то дѣятельности, какъ составляетъ всегда слишкомъ сильную, во многихъ случаяхъ главную поддержку, благодаря которой человѣкъ дѣйствуетъ твердо, живо и охотно, такъ и, опредѣляетъ сообразно съ собою самое направленіе дѣятельности, — цѣль, которой она должна достигать. Поэтому, нисколько не отвергая ни въ одномъ изъ родителей сильнаго и благотворнаго дѣйствія чувства чистой любви къ дѣтямъ, нѣжности къ нимъ [1]); не отвергая стало быть того, что на ряду съ прочими стимулами къ воспитательству въ нихъ живетъ и такой, по которому воспитаніе ведется безраздѣльно, исключительно для питомца; не отвергая ничего этого, все-таки мы не можемъ не видѣть здѣсь участія личныхъ цѣлей и побужденій самого воспитателя, отъ коихъ нельзя отрѣшиться, да и нѣтъ нужды отрѣшаться, если они хороши. Въ общемъ большое участіе личныхъ побужденій мы должны представлять въ томъ-же самомъ смыслѣ, въ какомъ любовь наша къ человѣку, какъ человѣку, всегда получаетъ большую живость и по крайней мѣрѣ на извѣстной высотѣ развитія требуетъ подкрѣпленія въ очевидной любви къ намъ нашихъ ближнихъ или въ нашей эгоистической любви къ нимъ. Словомъ въ нашей (людей обыкновенныхъ) волѣ всегда появляются недочоты; всегда мы наклонны дѣйствовать съ меньшею энергіей и видѣть, что въ дѣятельности мы тратимъ свои же собственныя силы, которыя, понятно, слѣдуетъ жалѣть. Поэтому намъ нужны болѣе ощутительныя, касающіяся насъ же самихъ побужде-

---

[1]) Всякому извѣстно однако, что въ силу этого чувства родители могутъ впадать въ ошибку въ томъ смыслѣ, что могутъ отнестись нетерпимо къ такому проступку дѣтей, который безнравствененъ только у зрѣлаго, понимающаго его моральную негодность, дѣтьми же совершается по общей ихъ наклонности подражать старшимъ.

нія къ дѣятельности. Сообразно съ этимъ и въ настоящемъ случаѣ чистая любовь къ дѣтямъ представляетъ побужденіе, которое въ принципѣ, въ основѣ располагаетъ родителей къ воспитательству, показывая имъ, что инаго обратнаго отношенія къ нимъ не можетъ быть. Но, чтобы самое воспитаніе велось дѣятельно и живо, для этого само собой указанное побужденіе становится фономъ, на которомъ появляются болѣе конкретные и понятные для воли возбудители. И то совершенно безспорно, что входящіе по указанной причинѣ личныя побужденія на практикѣ являются и дѣйствуютъ въ такомъ даже смыслѣ, что прививая своему родному питомцу извѣстныя понятія, воспитывающая личность собственно хотѣла, добивалась, чтобы идеалъ, не осуществленный по различнымъ препятствіямъ ею самой, но все-таки любимый и привычный, нашолъ болѣе успѣшнаго и счастливаго адепта въ богатомъ свѣжими, ненадломленными еще силами дѣтищѣ, чтобы такимъ образомъ свести *свои* счоты съ дѣйствительностію, не спрашивая, будетъ-ли отъ этого польза для воспитанника, есть-ли у него потребность и склонность къ этому, не падетъ ли онъ въ борьбѣ и т. д. А что касается до другой стороны, помимо цѣлей, что касается до самаго совершенія воспитательской функціи, до пріемовъ и дѣйствій, допускаемыхъ здѣсь воспитывающимъ отцомъ, то человѣкъ вездѣ остается человѣкомъ со всѣми его слабостями. Развѣ рѣдки случаи, когда извѣстный поступокъ сына отецъ оцѣняетъ или выше его дѣйствительной стоимости, потому что находится въ особенно хорошемъ, радостномъ настроеніи по обстоятельствамъ своей личной жизни,—или ниже опять потому, что оцѣняемый поступокъ засталъ его въ нехорошихъ обстоятельствахъ и тотъ свой душевный процессъ, предметъ котораго составляетъ оцѣнка, родитель невольно приспособляетъ, прилаживаетъ къ общему тону своего настроенія въ данное время? Конечно тоже прилаживаніе съ неизмѣннымъ преувеличиваніемъ въ ту или другую сторону, смотря по тону личной жизни, является и при оцѣнкѣ поступковъ плохихъ. Вотъ такимъ образомъ и выходитъ не рѣдко, что, когда отецъ наказывая напр. увѣренъ, что

хочетъ исправить, то это значитъ только, что онъ умѣетъ или имѣлъ возможность подыскать резонное основаніе въ потребностяхъ будущаго и настоящихъ недостаткахъ воспитанника для такого своего дѣйствія, которое въ существѣ дѣла возникаетъ изъ его личной потребности—дѣловой, или образовавшейся благодаря случайному давленію на него обстоятельствъ, совсѣмъ постороннихъ питомцу и дѣлу воспитанія. И конечно онъ-то можетъ и будетъ говорить, что въ настоящемъ случаѣ имъ руководило хорошее намѣреніе,—можетъ сослаться въ доказательство какъ на фактъ на то, что онъ билъ ребенка напр. не за добро, а за порокъ. Но, вглядѣвшись внимательно, онъ пожалуй не разъ увидѣлъ-бы, что наказывая онъ имѣлъ въ виду, положимъ не сорвать накипѣвшее на сторонѣ зло, но и не моральную неодобрительность даннаго проступка, а разладъ, несогласіе преступнаго ребенка съ ожиданіями, которыя возлагаетъ на него онъ — отецъ въ личныхъ своихъ видахъ. Положимъ, потребность воспитанія меньше всего возникаетъ въ отцѣ, въ старшемъ „изъ зависти къ добротѣ непосредственной натуры дѣтей и изъ желанія испортить ихъ, ассимилируя съ собою"; положимъ при воспитаніи всегда заправляютъ намѣренія добрыя. Однако это можетъ выразиться только въ дѣлѣ, въ дѣйствительномъ веденіи и дѣйствительныхъ послѣдствіяхъ воспитанія. Но въ душѣ-то воспитателя — отца они обыкновенно являются не сами по себѣ, а по совпаденію съ тѣмъ, чего требуетъ отъ питомца личный интересъ воспитывающаго; да и то еще вопросъ: не являются-ли они по требованію личнаго интереса, чаще всего въ силу внѣшнихъ условій современнаго существованія, при которыхъ и благодаря которымъ хорошо понятый интересъ требуетъ отъ воспитателя въ воспитаніи преслѣдовать именно благія цѣли. Стало-быть, оправдывая себя добрымъ, но произведшимъ худой результатъ, или выраженнымъ худо (напр. какъ истязаніе) намѣреніемъ, онъ, собственно говоря, оправдывается вовсе не тѣмъ, что, совершая извѣстное дѣйствіе, имѣлъ благую цѣль — хотя она и была на лицо, но тѣмъ, что имѣлъ опредѣленную личную цѣль. А

такъ какъ имѣніе личной цѣли нигдѣ и никого оправдывать не можетъ, то поэтому, чтобы избавиться отъ субъективизма, отъ произвола, каждый отецъ обязанъ въ воспитаніи дисциплинировать себя мыслію о преимущественной важности правъ не естественныхъ, а *пріобрѣтенныхъ*. Отказавшись въ оцѣнкѣ своей воспитательской дѣятельности опираться на присутствіе объективно хорошихъ намѣреній, согласившись, что какъ намѣреніе, расположеніе его духа, они субъективны и объективную стоимость получатъ лишь тогда, когда хороша будетъ вызываемая и поддерживаемая ими дѣйствительная дѣятельность его,—принявъ все это во вниманіе, онъ естественно долженъ смотрѣть на воспитаніе такъ, что здѣсь вся важность заключается не въ умозрительной, теоретической сторонѣ: имѣлъ-ли онъ, или нѣтъ, права на иниціативу и руководящую роль въ дѣлѣ воспитанія; но въ сторонѣ практической: оправдалъ онъ, или нѣтъ, свою естественную претензію на это — такъ, чтобы, судя по всему (не по мелочамъ конечно, а въ общемъ), онъ совершенно не преувеличивая могъ сказать себѣ: „да, я хорошо сдѣлалъ, что самъ и по своему велъ воспитаніе, а не предоставилъ дитя самому себѣ; или не отдалъ его въ руки иному воспитателю“. И если факты говорятъ, что лучше-бы ему не браться за воспитаніе со всей его громадой благихъ намѣреній, то онъ доставляетъ улики къ тому, что правъ надъ дѣтищемъ не имѣетъ, а не къ тому, что онъ только лишь превышаетъ свои права, какъ-бы ему ни хотѣлось самому видѣть тутъ простое превышеніе. Тутъ совершенно такое-же положеніе дѣла, въ какомъ стоитъ зрѣлый, желающій считать за собою честь умнаго по праву. Если такой человѣкъ, взявшись за что-нибудь, сдѣлаетъ неумное, вредное, то едва-ли кто будетъ серьозно, по зрѣломъ размышленіи усматривать извиняющее его предрасположеніе къ ошибкѣ въ естественномъ правѣ его на титулъ умнаго человѣка. *Эта* именно аналогія точно указываетъ надлежащую стоимость естественнаго права родителя—воспитателя и условіе, которое нужно соблюсти, чтобы оно было законнымъ, что кромѣ сказаннаго подтверждается великостію

воспитательскаго дѣла, стоющей самаго серьознаго вниманія [1]). Когда же говорятъ, что жестокость родителя такъ же относится къ его праву исправлять, какъ къ праву самообороны относится убійство безъ нужды оборонявшимся нападавшаго, то вы согласитесь только лишь съ тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ человѣка можно судить не за убійство, а за превышеніе своего безспорнаго права защищать свою жизнь. Но, чтобы это явленіе считать аналогіею, которою мы можемъ и должны измѣрять и оцѣнивать жестокое обхожденіе съ дочерью, для этого надо впередъ забыть, что въ правѣ самообороны заключается разрѣшеніе нанести въ видахъ своей пользы вредъ другому....

Говоря языкомъ общей идеи, естественныя побужденія заставляютъ родителей приняться за воспитаніе и такимъ образомъ въ выростаніи дѣтей отнять руководительство у ихъ природы и дѣйствующихъ на нее внѣшнихъ вліяній — въ томъ смыслѣ, что родители любятъ въ дѣтяхъ будущее, какими они могутъ и судя по всему должны быть; но при семъ видятъ, что это будущее представляетъ дѣтей съ такимъ духовнымъ складомъ, который рѣшительно противоположенъ какъ ихъ настоящему складу, интересамъ и хотѣніямъ, такъ и возможному при указанныхъ механическихъ руководителяхъ. Эта же рѣшительная противоположность само-собою каждому указываетъ, что, если хочешь, чтобы дитя держалось и легче держалось на пути, который ведетъ къ будущему должному и который для него, очевидно, есть путь необычный, требующій стоять внѣ естественной колеи, въ такомъ случаѣ обязанъ такъ или иначе, вообще искуственными средствами прибавить, возвысить естественную энергію къ устойчивому пребыванію

---

[1]) Сообразно съ этимъ думается, что если бы отецъ совсѣмъ не преслѣдовалъ въ воспитательствѣ личныхъ цѣлей, изъ которыхъ мы выводимъ необходимость правъ пріобрѣтенныхъ, всетаки онъ не проиграетъ, когда на естественныя права свои будетъ смотрѣть, какъ на такія, которыя еще нужно оправдать, доказать; и отсюда въ каждомъ своемъ воспитательскомъ дѣйствіи будетъ видѣть или подтвержденіе, или же отрицаніе своихъ правъ.

на этомъ экстренномъ пути, — энергію тѣхъ всегдашнихъ основъ, импульсовъ воли, которые называются чувствами удовольствія (награды) и печали (наказанія). Другими словами, направляющихъ туда-то (къ хорошему) и сдерживающихъ отъ того-то (понятно чего) руководительствъ здраваго резона въ дитяти не можетъ быть, потому что резонъ дѣвочкѣ Кроненберга говорилъ не: „воровать черносливъ значитъ воровать“, а: „въ настоящемъ случаѣ, очевидно, есть возможность взять черносливъ вонъ тамъ, и хоть это — тайкомъ, но отъ этого онъ будетъ сладокъ вдвойнѣ“. Поэтому слѣдуетъ присоздать ему и въ немъ своеобразную память огорченій и удовольствій, соотвѣтственную любимому будущему (идеалу воспитанія), такъ чтобы, когда въ ребенкѣ возникнетъ извѣстное хотѣніе и видится его достижимость, то въ душѣ его сейчасъ-же на основаніи прежняго опыта само-собою возникало бы или ожиданіе пріятнаго, которое будетъ способствовать переводу хотѣнія въ рѣшимость и дѣйствіе, или ожиданіе печали, которое означенный переводъ будетъ сдерживать. И вотъ гдѣ, говоритъ по признанью спеціалистовъ лучшій психологъ, твердое основаніе для „жестокихъ“ наказаній — для образованія памяти огорченій [1]).

---

[1]) Бэнъ, Изученіе характера. Пер. Цитовича. стр. 429. J. P. Richter, Levana, od. Erziehlehre. Stuttg. и Tübing. 1845. Aufl. 3, p. 97. Schütze, Evang. Schulkunde. Leipz. 1874 Aufl. 3, p. 627. Dursch, Pädagogik. Tübingen. 1851, p. 435; также и Вайцъ, Allg. Pädagogik. Braunschweig, 1852, 1 Aufl. pag. 173, хотя слѣдуетъ сказать, что по основному своему принципу (добродѣтель есть знаніе, моральное и житейское развитіе опредѣляется и пропорціонально Gedankenkreis'y) Гербартіанцы могутъ стоять за наказаніе лишь только съ натяжками; и поэтому какъ лучшій представитель Гербартіанской педагогики наказанія устраняетъ (Ziller, Grundlegung z. Lehre v. erziehenden Unterricht. Leipzig, 1865, p. 4.320), такъ и Бенеке (Erz. u. Unterr-lehre. I. Aufl. B. II. 1836, p. 523), судя о дѣлѣ по своему, признаетъ необходимымъ наивозможно меньше обезпокоивать духовное равновѣсіе дѣтей утѣсняющими внѣшними давленіями (аффектами)—мысль которую высказалъ Гербартъ (напр. Sämmtl. Werke, her. v. Hartenstein, B. X, p. 495) и которую слѣдуетъ считать одною изъ самыхъ основныхъ его мыслей.—Положеніе, что какъ государство, имѣющее опредѣленные законы, немыслимо безъ наградъ и наказаній, такъ равно, если въ школѣ есть и должны быть опредѣленные законы, то должны быть и означенныя функ-

Здѣсь при обсужденіи очень естественно взять за руководящее начало то-же самое психологическое ученіе объ ассоціаціяхъ, которое прямѣе и лучше всего обосновываетъ цѣлесообразность наказа-

---

ціи (Niemeyer, Grundsätze d. Erz. u. Unterrichts. Reutlingen, 1832, 9 Aufl. p. 66) забываетъ, что основные законы надлежащаго поведенія въ школѣ должны гарантироваться интересомъ обученія, каковой, если онъ есть, всегда создаетъ контроль общественнаго мнѣнія въ большинствѣ учениковъ, запрещающій шалунамъ и неисправимымъ отвлекать на себя вниманіе учителя отъ его прямаго дѣла (обученія), и это не сказка, а фактъ; а гдѣ этого факта не замѣчается; гдѣ нѣтъ интереса, тамъ «учителю слѣдуетъ наказывать не дѣтей, а себя» (Comenius, l c. p. 230 ср. Schütze p. 633; Schwenke, Erz. u. Unterr. Leipzig. 1857, p. 172). Мысль, что наказаніе есть символика, за которой ребенокъ читаетъ, что преступленіе противъ закона правды всегда возмещается, какъ опытъ, научающій, что ему никоимъ образомъ никогда не удается провести собственное своеволіе противъ авторитета высшей воли (Пальмеръ, l. cit. p. 322 и цитируемый имъ въ Anm. Ротэ), представляетъ образчикъ мышленія, которое не результатъ (наказаніе) выводитъ изъ основанія, а напротивъ къ предвзятому результату старается, гдѣ-бы то нибыло подыскать оправдывающій принципъ, и потому не замѣчаетъ, что важность вовсе не въ средствѣ (такъ чтобы оно было непремѣнно употреблено), а въ подысканномъ для него принципѣ; что привитіе питомцу убѣжденія въ господствѣ надъ его волей нравственнаго закона на столько дорого, что всѣ силы способности методической слѣдуетъ сосредоточить на пріисканіи способа къ этому самаго вѣрнѣйшаго, какой только можно отыскать, не довѣряясь стало-быть ходячимъ средствамъ, частая бездѣйственность которыхъ доказана жизнью; не превращая задачи, которую еще нужно рѣшать, въ защиту подсказаннаго болѣе традиціей рѣшенія, которое при иномъ взглядѣ на задачу—болѣе внимательномъ къ ней легко можетъ быть замѣнено діаметрально противоположнымъ (Schleiermacher, Erz-lehre. Berlin 1849 p 145—7.737—58). Мысль, что наказанія должны быть, какъ дополненіе извнѣ недостающаго въ совѣсти питомца, возмездія за совершонный имъ проступокъ (Völter у Пальмера p. 323 ср. Völter, Pädag. Früchte. Stuttg. 1872. B. I, pag 152); Kneule, Ueber d. Anwendung d. Strafen b. d. Erz. Augsburg, 1871, p. 12) заслуживаетъ вниманіе потому, что кажется люди, глубоко вѣрующіе въ царство правды или моральной идеи въ мірѣ, въ видахъ уничтоженія ослабляющихъ эту ихъ вѣру фактовъ, легко могутъ покушаться взять на себя уравненіе возмездій съ проступками въ дѣтской сферѣ: не сдерживая себя въ этой дѣятельности тѣмъ, что недостающія въ совѣсти питомца наказанія за грѣхъ есть недостающее только лишь пока, до времени, и судъ совѣсти непремѣнно скажетъ свое впослѣдствіи, если воспитатели успѣютъ въ привитіи питомцу нравственныхъ нормъ. Оставляемъ безъ вниманія выводы необходимости наказаній—изъ того, что надо же искоренять недостатки дѣтей (по природѣ добрыхъ) порожденныя примѣромъ и вліяніемъ воспитателей (Basedow D. Methodenbuch 3 Aufl. 1773 p. 35); или

ній. Естественно, значитъ остановиться и обратить все вниманіе на то, что, какъ тамъ ни говорите, какъ бы ни представлялось, что наказаніе благодаря своей силѣ вкореняетъ непріятное ожиданіе въ надлежащей мѣрѣ прочно; однако безспорно, что эта прочность въ существѣ дѣла представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ нашихъ обмановъ себя внѣшней видимостью. Вѣдь безспорно, что во всѣхъ случаяхъ, когда предъ совершеніемъ извѣстнаго дѣйствія мы предполагаемъ возможными два противоположные исхода, но такъ, что пріятный намъ ближе и кажется естественнѣе, а непріятный кажется подставнымъ, бывшимъ въ опытѣ по причинамъ совершенно случайнымъ; тогда представленіе послѣдняго волю можетъ и не задерживать, хотя въ то время, когда оно было не представленіемъ, а испытаннымъ нами впечатлѣніемъ, оно было очень чувствительно. Однимъ словомъ безспорно, что механически связанныя въ нашей головѣ представленія, механическія, а не органическія ассоціаціи отнюдь не въ силахъ жить и неотразимо заправлять нашей волей. А между тѣмъ очевидно, что, прививая къ могущему возникнуть и безконечное число разъ повториться преступному хотѣнію, прививая ожиданіе непріятности, мы привязываемъ одно къ другому чисто механически. Мы расчитываемъ на свойственную каждому способность вслѣдъ за представленіемъ извѣстнаго уже совершавшагося дѣйствія непосредственно вызывать изъ памяти представленіе сопровождавшей его въ прожитомъ опытѣ подробности. Поэтому-то не одни виртуозы наказаній, не одни практики, а и люди, признающіе ихъ не безъ провѣрки себя психологической рефлексіей иногда очень осторожной, становятъ за правило, чтобы наказаніе (непріятное чувство) возможно скорѣе слѣдовало за проступ-

---

изъ того, что преступные, запущенные мальчики не должны заражать собой другихъ соучениковъ и мѣшать успѣху учителя (Dittes, Methodik d. Volksschule Leipz. 1874. pag. 59); или даже изъ того, что надо, чтобы дѣти слушались старшихъ (K. Schmidt, Ueber Erziehung. Leipz. 1856. Aufl. 2. p. 55). Слѣдуетъ замѣтить, что всюдѣ имѣется въ виду наказаніе тѣлесное собственно, куртманово электрическое дѣйствіе розги.

комъ [1]), чтобы т. е. временная связь была какъ можно непосредственнѣе. Однако само-то дитя безспорно ожидаетъ, наклонно ожидать отъ преступнаго дѣйствія получить удовольствіе, и образъ этого ожидаемаго удовольствія въ душѣ его связанъ съ образомъ преднамѣреваемаго дѣйствія такъ же тѣсно, какъ тѣсно связываются между собою результатъ и его причина, засимъ—стимулъ и сообразное съ нимъ отправленіе воли. Поэтому разъединенный, отдѣленный въ такомъ смыслѣ и въ такой мѣрѣ образъ ожидаемаго неудовольствія такъ и остается лишь во внѣшней, временной связи съ преступнымъ хотѣніемъ, представляется питомцемъ какъ такое послѣдствіе, которое, положимъ, и бываетъ въ дѣйствительности, судя по опыту, по которому собственно не должно бы быть, которое можно постараться обойти, или, если не обойдешь, то во всякомъ случаѣ пріятное ожидаемое отъ дѣйствія все-таки можно получить. Положимъ, оно получится и съ неудобнымъ осложненіемъ, но это ничего: съ этимъ примиряетъ съ одной стороны то, что предполагаемое препятствіе всегда увеличиваетъ собою цѣну ожидаемаго удовольствія, а съ другой — то, что предполагаемая непріятность, какъ скоро она была уже выносима прежде, теряетъ жгучесть перваго впечатлѣнія. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ сила ожидаемаго удовольствія по меньшей мѣрѣ остается въ дальнѣйшіе разы такою-же, сила ожидаемаго неудовольствія напротивъ слабѣетъ и потому наказыватели съ теченіемъ времени,

---

[1]) Напр. Вайцъ р. 180. Шлейермахеръ предлагаетъ иной способъ (при которомъ онъ примиряется съ наказаніемъ р. 741 f.): дабы внѣшняя связь понесеннаго наказанія съ преступнымъ хотѣніемъ сдѣлалась неразрывною, нужно чтобы предъ испытаніемъ наказанія питомецъ почувствовалъ, что проступокъ его плохъ и оскорбляетъ его честь, принялъ наказаніе какъ заслужонное; и послѣ этого память о наказаніи въ немъ будетъ памятью не о чомъ то внѣшнемъ случайномъ, а о томъ, необходимость чего признаетъ онъ самъ. Подобные способы можно рекомендовать, но въ осуществленіи они всегда встрѣтятъ препятствія въ самосохраненіи питомца, который въ принципѣ согласится съ заслуженностію наказанія, а когда ему придется выносить его на дѣлѣ, будетъ отвергать эту заслуженность, равно забудетъ о ней при новомъ возникновеніи преступнаго хотѣнія.

мало-по-малу доходятъ до жестокостей: раздражонные противоборствомъ питомца, о цѣляхъ воспитанія помнятъ для того только, чтобы прикрыться ими, а на самомъ-то дѣлѣ „ошибки дѣтей разсматриваютъ, какъ нарушеніе своей воли, почему чувствуютъ себя оскорбленными и приходятъ въ гнѣвъ... и наказаніе совершается изъ гнѣва, мести“ [1]). Какъ видите, указанная точка зрѣнія довольно хорошо обрисовываетъ, какимъ съ виду рѣшительнымъ, а въ существѣ дѣла эфемернымъ средствомъ заручаются исправители sui generis. Однако эта точка зрѣнія не рѣшительно обезпечиваетъ отъ той ошибки, въ которую обыкновенно впадала педагогическая литература, гдѣ награды и наказанія разсматривались вмѣстѣ какъ одинъ вопросъ, не только въ томъ смыслѣ, что они въ существѣ дѣла суть двѣ стороны одного и тогоже принципа (воздаяніе) или средства (дѣйствіе на память воли), но и въ томъ, что сужденіе о наградѣ вполнѣ примѣняется къ наказаніямъ [2]), въ томъ смыслѣ, что при сужденіи игнорировали ту глубокую для педагога разницу въ послѣдствіяхъ, какія производятъ на духъ и его общій строй пріятныя впечатлѣнія, и какія производятъ впечатлѣнія непріятныя, словомъ, говоря о наградахъ и наказаніяхъ, забывали, что говорятъ о награждаемомъ (получающемъ пріятныя впечатлѣнія), или наказываемомъ *человѣкѣ*. Идетъ-ли рѣчь объ экстренныхъ мѣрахъ воспитанія вообще, или въ частности о наказаніяхъ, въ принципѣ все равно—я говорю себѣ: здѣсь дѣло идетъ о воспитательской мѣрѣ, которая извѣстнымъ, характернымъ образомъ измѣнитъ положеніе въ душѣ питомца чувства дѣйствитель-

[1]) Dursch 137.

[2]) Исключеніе, лежащее въ самой основѣ воззрѣнія, представляетъ только школа филантропинистовъ, да развѣ отчасти Ж. П. Рихтеръ. Денцель, который (Einleitung i. d. Erz—u. Unt.-lehre. Stuttg. 1825. III Aufl, B. I, p. 210. 213 Anm.) приписываетъ большій вредъ именно наградамъ и хорошъ тѣмъ, что, признавая обѣ эти экстренныя мѣры въ принципѣ одинаково, предполагаетъ разницу хоть въ степени полезнаго дѣйствія одной мѣры предпочтительно предъ другой; но, приписывая полезное дѣйствіе наказаніямъ, и болѣе вредное наградамъ, очевидно разумѣлъ опредѣленные виды наградъ только неудачные, и формы наказанія только наиболѣе годныя съ точки зрѣнія педагогической.

ности, поставитъ его въ такое или другое настроеніе къ послѣдней. Или это мѣропріятіе подтвердитъ свѣтлыя преувеличенныя ожиданія отъ нея, съ которыми онъ является на свѣтъ, проживая какъ отдѣльная личность то, что было прожито въ исторіи человѣчества первыми его представителями, и, подтвердивши, дастъ возможность жить и расти не помня объ этомъ, какъ помнятъ о больной рукѣ, головѣ. Или же оно добавитъ, оттѣнитъ съ особенной силой (какъ непріятное, получаемое отъ *близкихъ родныхъ*) мрачныя ожиданія отъ дѣйствительности и вызоветъ необходимость наивозможно энергичнѣйшаго самоотстаиванія, сохраненія личности. Сообразно съ этимъ, указываемъ на тотъ безспорный фактъ, что всѣ наказанные испытанное ими наказаніе считаютъ обыкновенно несправедливостію. Дѣйствительность говоритъ намъ, что истинная основа для отвращенія отъ проступковъ (т. е. чувство справедливости) не только не укрѣпляется чрезъ наказаніе, но даже уменьшается, такъ что питомецъ безъ наказанія, можетъ, и созналъ бы свою виновность, но оно ожесточаетъ его и тѣмъ самымъ отдаляетъ возможность этого сознанія. Производя острое, рѣзкое чувство непріятнаго и нарушая тѣмъ самымъ первѣйшія и неотразимыя требованія благополучія, наказаніе ставитъ субъекта въ такое положеніе, въ которомъ онъ меньше всего можетъ быть безпристрастнымъ цѣнителемъ своихъ поступковъ. И безъ этого иногда требуются большія усилія воли, чтобы рисовать себѣ истинную картину своего нехорошаго поступка и оцѣнить (хотя-бы чувствомъ) его дѣйствительную стоимость, а тутъ прибавляютъ еще то, что съ точки зрѣнія субъективныхъ разсужденій, подсказываемыхъ понятно-чѣмъ, прямо заставляетъ человѣка оправдывать свое поведеніе. Съ другой стороны, посторонняя воля, дѣйствующая такими сильными средствами, можетъ подавлять собою собственную волю питомца, и отсюда является такъ называемая забитость. Страхъ предъ чужою волей дѣлаетъ человѣка нерѣшительнымъ, пріучаетъ его опасаться каждаго шага и постоянно чувствовать надъ собою Дамокловъ мечъ враждебнаго отношенія со стороны другихъ. Иной,

воспитавшійся при надлежащихъ условіяхъ, и не задумался бы сдѣлать то, что для застращеннаго человѣка кажется предпріятіемъ. Отсюда съ теченіемъ времени слагается неподвижность, предпочитающая худой покой, ограниченное довольство треволненіямъ жизни. Неопытность, которая сама-собой оказывается благодаря тому, что лицо сравнительно наименѣе развивало свою самобытность, — неопытность, говорю, становится причиною дальнѣйшихъ неудачъ въ этомъ отношеніи, а неудачи еще болѣе усиливаютъ указанную неподвижность, несмѣлость въ дѣятельности. Все это — обыкновенный исходъ тѣхъ натуръ, на которыя рано начали направляться лишь карательныя мѣры, или которыя не пріобрѣли наслѣдственнымъ порядкомъ большей упругости воли, или не имѣютъ вблизи себя въ самомъ направляющемъ, карающемъ же лицѣ примѣра для выработки этой упругости, или наконецъ лишены всякой поддержки въ какомъ-нибудь членѣ семьи. Съ другой стороны натуры, находившіяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, владѣющія поэтому болѣе неуступчивымъ характеромъ, стараются обыкновенно протестовать противъ принудительныхъ карающихъ мѣръ, и борьба за самостоятельность съ посторонней непривѣтливой силой дѣлаетъ свое дѣло. Говоря вообще, питомцы идутъ въ этомъ случаѣ двумя типическими путями. Дитя, которому даютъ въ семьѣ особенное предпочтеніе, доходящее до потворства и несправедливостей по отношенію къ другимъ, дитя, постоянно видящее предъ собою образъ такого старшаго, который ни уступаетъ ни предъ чѣмъ и гнетъ всегда по своему, дитя наконецъ, имѣющее крѣпкую поддержку, оно въ наибольшей части случаевъ и само идетъ напроломъ. Какъ его ни наказывайте, оно будетъ назло повторять свои иногда дѣйствительно дурные поступки. Различныя усовѣщеванія при этомъ, разумныя выясненія, обращенія къ чувству для него представляются одной изъ уловокъ къ тому, чтобы оно подчинилось. Конечно, отсюда выработываются желѣзные характеры, для которыхъ все нипочемъ, но судьба ихъ по большей ча-

сти случаевъ бываетъ трагическая [1]); жизнь, люди представляются съ мрачной стороны, развитое упорство заставляетъ ихъ не соглашаться на то, что слѣдовало-бы принять; сознаніе своей выработанной при неблагопріятныхъ условіяхъ внутренней силы въ жизненныхъ сношеніяхъ высказывается или какъ препебреженіе къ болѣе слабымъ, чуждое всякаго сочувствія, или какъ отталкивающее самообожаніе, или какъ неутомимая ненависть къ противнику и т. д. Питомцы же обладающіе стремленіемъ къ самобытности, не смотря на всѣ препятствія, но—или загнанные въ семьѣ, въ школѣ, или не имѣющіе поддержки, или въ силу живаго примѣра, выбираютъ другой путь. Силой ничего не сдѣлаешь, а потому нужно идти косвенно, посредствомъ различныхъ хитростей. Отсюда является скрытность, стремленіе наружнымъ своимъ поведеніемъ или какими-нибудь непрямыми средствами обмануть, напр. какъ будтобы не хотѣть желаемаго предмета, если ребенокъ замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ изъ противорѣчія ему навяжутъ этотъ предметъ, или защищать извѣстное дѣло такъ, что по основательной защитѣ выходитъ—его нужно отвергать, вкрасться незамѣтно въ довѣріе, выставить въ себѣ какъ-бы мимоходомъ, но тѣмъ не мѣнѣе сильно, любимую воспитателями сторону и т. д. Здѣсь хорошая сторона та, что вообще человѣкъ бываетъ уживчивъ, а за тѣмъ болѣе находчивъ въ отысканіи ближайшихъ, надежныхъ средствъ къ осуществленію извѣстной цѣли, и если цѣль эта хороша, то выгода будетъ двойная: во первыхъ она будетъ достигнута, а во вторыхъ достигнута такъ, что не возбудитъ недовѣрія или озлобленія. Но за то и плохихъ сторонъ не мало. Самая выдающаяся изъ нихъ, это—сильно развитое своекорыстіе, отсутствіе прямоты въ характерѣ, что вмѣстѣ создаетъ такую натуру, на которую никогда нельзя положиться, которая при взысканіи подставитъ вмѣсто себя

[1]) Въ педагогическомъ мірѣ очень хорошій примѣръ представляетъ Б. Базедовъ, глава педагогическаго направленія, стоявшаго въ прямой связи съ Руссо, называвшагося филантропинизмомъ и въ свое время надѣлавшаго чрезвычайно много шуму.

другаго и не откажется отъ нравственно-непозволительныхъ средствъ къ тому, чтобы заслужить особенную любовь старшихъ или сильныхъ. Въ дополненіе къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что произведенное наказаніе само по себѣ по своему существу унижаетъ человѣческое достоинство питомца [1]), такъ что, проходя рядъ ихъ, онъ постепенно пріучается равнодушно смотрѣть на оскорбленіе своей личности, или же становится неумѣренно, излишне взыскательнымъ ко всякому даже мнимому затрогиванію его личности другими, становится раздражительнымъ, подозрительнымъ и тяжолымъ въ общественной жизни.

Отсюда, какъ только человѣку основной его принципъ (дѣти по природѣ — совершенство) прямо не допускалъ въ голову той мысли, что въ воспитаніи надо сломать самобытную волю питомца и пріучить его подчиняться внѣшнему авторитету, и послѣ этого онъ уже не могъ считать умѣстною ту обычную форму наказаній, являясь въ которой, они сказываются питомцу какъ насильственное нарушеніе благополучія и подавленіе личности. Руссо долженъ былъ начать рѣчь о наказаніяхъ *естественныхъ*, т. е. чтобы текущій порядокъ вещей, а не воспитатель, не отецъ наказывалъ питомца; и послѣдній никакъ уже не могъ оправдывать свое преступное дѣйствіе тѣмъ, что непріятность послѣдовала за проступкомъ только лишь благодаря произволу старшаго, противъ котораго должно протестовать [2]). Разсматривая

---

[1]) Преимущественно слѣдуетъ сказать это объ ударахъ по лицу (см. особый § объ этомъ у К. П. Рихтера. 368—70). Если г. Спасовичъ находитъ, что преимущественная оскорбительность этихъ ударовъ возможна лишь тамъ (не у насъ), гдѣ въ свое время по лицу ударить было можно только человѣка изъ черни (благородные закрывались забралами), то-не говоря о допущенномъ здѣсь анахронизмѣ — онъ забываетъ, что дитя съ оставшимися на лицѣ знаками ударовъ всегда подвергается осмѣянію своихъ сотоварищей, слѣд. считаетъ эти удары наиболѣе унизительными, оскорбительными поневолѣ — потому, что они доставляютъ ему униженіе.

[2]) Должно замѣтить, что естественнымъ наказаніемъ слѣдуетъ считать не всякое такое наказаніе, въ которомъ возмездіе за проступокъ представляетъ естественное слѣдствіе проступка, а лишь только такое, въ которомъ *самъ пи-*

эту соблазнительную практику, получившую популярность, хотя кажется больше въ теоріи, Гербартъ предостерегаетъ насъ отъ одного изъ возможныхъ здѣсь увлеченій. Такія (естественныя и по Гербарту истинно педагогическія) наказанія не служатъ къ моральному улучшенію, а только изощряютъ практическую смѣтливость и осторожность [1]). Предостереженіе, умѣстное только до нѣкоторой степени; и во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ въ естественныхъ наказаніяхъ указывать слабыя стороны, слѣдуетъ опредѣлить *весь* смыслъ ихъ, не ограничиваясь той ихъ цѣнностью, которая прямо видна изъ сравненія ихъ съ наказаніями искуственными. На самомъ дѣлѣ, если судить объ естественныхъ наказаніяхъ сравнительно съ искуственными, то преимущество ихъ будетъ равняться тѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ, которыя производитъ внесеніе замѣтной личной инціативы воспитателя въ непріятныя чувства, которыя питомецъ испытываетъ въ наказаніи. А представляя себѣ дѣйствительную сумму означенныхъ вредныхъ послѣдствій, мы понимаемъ, что сюда въ счотъ должно взойти не только то, что плохаго произ-

---

томецъ увѣренъ, что проступокъ дѣйствительно долженъ вести за собою такое непріятное слѣдствіе, а не повелъ благодаря вмѣшательству воспитателя и слѣд. отнюдь не необходимо сопровождается оказавшимся слѣдствіемъ. Ребенокъ, наказываемый за лѣность работою, занятіемъ въ свободные часы, чаще всего расположенъ не видѣть естественнаго слѣдствія этого наказанія изъ его проступка, хотя объективно-то оно есть естественное, и потому «гомеопатическая» метода Колера наказывать лѣниваго, не давая ему работать, больше выдерживаетъ смыслъ естественнаго наказанія, чѣмъ приведенная выше мѣра Пальмера (l. c. p. 324 и Anmerk.). Вѣрнѣе думать, что всѣ цитируемые мною авторы впадаютъ въ указанную ошибку.

[1]) Umriss päd. Verlesungen, II Aufl., §§ 157. 189. Нимейеръ (p. 67) находитъ, что вѣрить въ естественность карающаго слѣдствія за проступокъ и не отгадывать тутъ руководящей инціативы воспитателя, можетъ только самый наивный и весьма недолго. Напротивъ Вайцъ (p. 183), повторяя мысль Гербарта, видитъ прямой вредъ въ естественномъ наказаніи съ той стороны, что они суть благочестивый обманъ, и при этомъ поселяютъ въ питомцѣ фальшивыя (?) понятія и сужденія о причинной связи въ міровой жизни.—Также Ж. П. Рихтеръ полемизируетъ противъ проектированной Руссо формы наказаній (естественныхъ), выставляя необходимость въ наказаніи вышеразъясненной символики Пальмера. Но педагогъ говоритъ не противъ естественныхъ наказаній, а по поводу ихъ противъ излишне-розоваго взгляда Руссо на дѣтей.

водитъ внесеніе личной иниціативы, но и то хорошее, содѣйствующее нравственному исправленію и развитію, что̀ появилось бы въ душѣ при отсутствіи означенной личной иниціативы. Но всетаки, пока стоимость, преимущества естественныхъ наказаній мы будемъ оцѣнять чрезъ сравненіе ихъ съ искуственными, до тѣхъ поръ то самое, что ихъ отличаетъ отъ искуственныхъ наказаній, будетъ цѣниться нами въ объемѣ, въ смыслѣ простаго „гораздо лучше“,—въ смыслѣ наибольшей умѣстности, цѣлесообразности. Сличая ту и другую форму наказаній, мы видимъ, что въ одной изъ нихъ есть, замѣтна воспитаннику личная иниціатива воспитателя (это онъ именно причинилъ мнѣ чувство боли), въ другой нѣтъ,—нѣтъ опять конечно въ томъ смыслѣ, что отецъ наказывающій поставилъ себя въ такое положеніе, при которомъ воспитаннику никакъ нельзя привязаться къ его вмѣшательству и въ наказаніи находить произвольное давленіе, притѣсненіе его свободной воли личностію старшаго. А зная, къ чему ведетъ внесеніе личной иниціативы (на взглядъ воспитанника внесеніе произвола, деспотизма), мы говоримъ себѣ: гораздо лучше, если въ наказаніи произвола не будетъ. Такимъ образомъ безспорно, что когда мы разсуждаемъ о надлежащей формѣ наказанія и видимъ ее въ наказаніяхъ естественныхъ, но видимъ изъ сличенія съ наказаніями искуственными, въ такомъ случаѣ мы понимаемъ, что разсуждаемъ, строго говоря, о томъ: долженъ или не долженъ сказываться питомцу въ наказаніяхъ личный произволъ воспитателя. И отрицательно рѣшаемъ мы этотъ вопросъ: имѣя въ виду, какъ много вреда въ состояніи произвести то (произволъ) совсѣмъ безцѣльное, что есть въ наказаніи искуственномъ. Но вѣдь послѣ этого прямая задача наша очевидно должна состоять въ томъ, чтобы не остаться на простомъ отрицаніи, чтобы отыскать тѣ средства и условія, при которыхъ мы бы могли не просто лишь видѣть необходимость наказаній естественныхъ, но представлять себѣ конкретный образъ ихъ и понимать, какъ можно естественнымъ порядкомъ наказать вотъ въ этомъ случаѣ и какъ вотъ въ этомъ, и какъ закрѣпить

получаемыя отсюда правила жизни. Наша мысль получаетъ направленіе — что ей дѣлать и куда идти — весьма опредѣленное: мы стараемся одинъ прежній образъ наказаній замѣнить новымъ. А занятые этимъ прямымъ дѣломъ, мы легко можемъ не замѣтить, что та самая причина, по которой мы отказались отъ наказаній искуственныхъ, затрогиваетъ, поднимаетъ вопросъ не о *формѣ* только наказаній, но о *самой ихъ идеѣ*. Сообразите лишь, что по принятой нами новой формѣ истинно-педагогически наказаніе будетъ совершаться такъ: что его производитъ естественный порядокъ вещей, подготовляемый отцомъ, и сынъ видитъ, что наказаніе подготовилъ именно отецъ, а не само собой такъ вышло; но при этомъ видитъ также, что суть все таки отнюдь не въ отцѣ и отца слѣдуетъ лишь еще больше любить за то, что онъ не только раскрылъ предо мною вредъ моего поступка для моего же благополучія, но вдобавокъ снизошолъ къ моей дѣтской немощи и выказалъ предо мною означенный вредъ такимъ образомъ, что я уже не могу сбиться въ томъ, какъ мнѣ глядѣть на свой поступокъ, можно ли мнѣ оправдывать его, какъ это подсказывается естественнымъ самосохраненіемъ. Словомъ, наилучшая реализація естественнаго наказанія та, при которой произволъ отца будетъ очевиденъ для питомца, но при этомъ будетъ очевидно, что въ этомъ произволѣ, въ этомъ подтасовываніи естественнаго порядка вещей отецъ руководился самыми уважительными необходимостями, былъ непроизволенъ. А послѣ этого, что же такое мы дѣлаемъ въ наказаніи? Наказывая мы прививаемъ дѣтямъ страхъ, задерживающій такія хотѣнія, осуществляя которыя питомецъ рано или поздно, но непременно получилъ бы возмездіе, ущербъ, какъ нарушитель порядка или закона, существующаго въ мірѣ и заправляющаго общимъ движеніемъ послѣдняго. Стало быть, мы только лишь ускоряемъ эти непремѣнныя послѣдствія съ хорошею цѣлію: собрать по возможности всѣ опыты нужные питомцу для того, чтобы онъ зналъ вообще, какія хотѣнія ему осуществлять и за какія переведенныя въ дѣйствіе хотѣнія онъ непре-

мѣнно поплатится,—собрать, говорю, эти опыты въ подготовительный періодъ жизни питомца, тогда какъ при естественномъ теченіи вещей они разбрасываются, и безъ нашего этого содѣйствія питомецъ, вступивши въ періодъ самостоятельной жизни, знакомился-бы съ тѣмъ, что ему слѣдовало знать прежде. Съ другой стороны, непремѣнную возможность ущербовъ, потерь, вообще непріятностей мы чрезъ наказаніе дѣлаемъ разсудку питомца наиболѣе ясною, тогда какъ безъ нашего содѣйствія онъ-бы во многомъ совсѣмъ не разумѣлъ прямаго урока на будущіе разы, въ дальнѣйшей жизни, да и сталъ-бы уразумѣвать въ такое время, когда отъ преступныхъ хотѣній ему отучиться уже трудно, и когда невыгодныя послѣдствія ихъ осуществленія расширились не въ мѣру. Отсюда вообще — въ наказаніяхъ мы отнюдь не караемъ и не исправляемъ въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, отдѣляющемъ наказыванье отъ ученья. Мы образовываемъ въ питомцѣ дѣйствительный опытъ, чтобы питомецъ жилъ спокойно, безбоязненно какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ житейскомъ, если это еще нужно раздѣлять. Въ существѣ дѣла, чрезъ наказаніе мы точно такъ же только учимъ, какъ учимъ чрезъ сообщеніе свѣденій и чрезъ формальное развитіе; и крестьяне, или предки наши временъ славянскаго перевода Св. Писанія, или кто другой изъ позднѣйшихъ образованныхъ, выражая въ словѣ „поучить“ дѣйствіе наказательное, не педагогично мыслятъ въ томъ, что представляютъ себѣ одинъ только смыслъ „учить“, а отнюдь не въ томъ, чтобы представляли себѣ идею, задачу наказанія фальшиво. Разница двухъ способовъ обученія, заключается совсѣмъ не въ цѣли—такъ, чтобы можно было сказать, что въ одномъ случаѣ мы воспитываемъ голову, а въ другомъ—волю, чего сказать совсѣмъ нельзя. Опять разница заключается отнюдь не въ сущности того, что мы преподаемъ здѣсь и тамъ—такъ, чтобы въ одномъ случаѣ дѣйствительность мы въ обученіи сокращали, передавая ее въ формѣ понятій, въ видѣ общаго, а въ другомъ не преподавали такого-же, только еще болѣе обобщеннаго

знанія дѣйствительности въ формѣ понятія о господствующемъ въ ней законѣ моральной причинности. Опять наконецъ искомая разница отнюдь не заключается въ способѣ обученія въ такомъ смыслѣ, чтобы въ одномъ случаѣ мы дѣйствовали на чувство косвенно (чрезъ голову), а въ другомъ—непосредственно, прямо. Вся и весьма глубокая разница состоитъ въ отношеніи передаваемаго понятія о дѣйствительности къ самочувствію питомца. Въ одномъ случаѣ его самосохраненіе молчитъ въ другомъ случаѣ внимательность насильственно чувствомъ боли притягивается къ сообщаемому понятію и самочувствіе волей-неволей подъ угрозой непріятнаго ожиданія помнитъ о правилѣ. Въ наказаніяхъ мы точно также учимъ, какъ училось путемъ горькихъ попытокъ человѣчество въ своей исторіи; какъ ребенокъ обжогомъ о согрѣтый самоваръ научается не трогать блестящихъ вещей, какія всегда ему хочется провѣрить чувствомъ осязанія; или какъ взрослый человѣкъ, попавши на скамью подсудимыхъ, силой вынесеннаго здѣсь непріятнаго чувства научается не попадать больше въ подобное положеніе, хотя-бы въ первый разъ его и оправдали.

Понятно, при такомъ взглядѣ мы обязаны еще спрашивать, допустима или нѣтъ та особливая форма обученія стихійнаго, которая называется наказаніемъ,—спрашивать въ смыслѣ: не представляетъ ли обсуждаемая форма *въ виду другой*—дидактическаго обученія—такого-же „существованія заднимъ числомъ“, какое представлялъ каменный ножъ, топоръ, когда наступилъ уже вѣкъ желѣзный? И по нашему крайнему разумѣнію необходимость обученія стихійнаго совсѣмъ не можетъ рѣшаться на томъ основаніи, что Руссо съ послѣдователями впалъ въ ложный сентиментализмъ, что дѣти по природѣ, по природѣ освобожденной даже чрезъ Христа отъ первородной грѣховности, злы, а не добры,—и мы должны образовывать въ нихъ моральныя начала *заново*, слѣдовательно по необходимости самыми сильными средствами. Вопросъ о природѣ дѣтей слишкомъ часто рѣшался и такъ и этакъ; но я не знаю, почему бы намъ не рѣшать его эмпирическимъ спосо-

бомъ. Каждый пойметъ, чего ему держаться, какъ скоро соберетъ въ своей памяти всѣхъ видѣнныхъ имъ въ натурѣ и на карточкахъ дѣтей, и уловитъ свойственное имъ, обнаруживающее внутренній складъ ихъ, выраженіе, ихъ обычное лицо. А если въ общемъ сами же мы стоимъ за дѣтскую природу, то вѣдь очень можетъ быть, что причины, по которымъ въ насъ уживается вмѣстѣ и противоположный взглядъ, подсказываетъ намъ то невольно-страстное и останавливающее на мелочахъ отношеніе къ *своимъ* дѣтямъ, которое прямо располагаетъ насъ забыть: кѣмъ и въ какомъ смыслѣ (прямо касающемся нравственности) дѣти были поставлены въ примѣръ, образецъ для зрѣлыхъ. Не говоримъ: въ дѣтяхъ нѣтъ своекорыстія; оно въ нихъ есть и, кажется, въ громадномъ размѣрѣ. Но надо глядѣть дальше. Есть своекорыстіе рефлективное, когда человѣкъ знакомъ съ моральной разницей двухъ противоположныхъ способовъ существованія, отношеній и дѣятельности, и завѣдомо облюбовалъ себѣ путь противоположный закону правды. А есть и своекорыстіе натуральное, когда человѣку совсѣмъ еще недостаетъ знанія жизни, дѣйствительности, и вслѣдствіе этого онъ поневолѣ смотритъ на окружающее съ точки зрѣнія своихъ личныхъ потребностей, по неволѣ въ разсужденіи того, какъ къ нему должны относиться другіе и какъ онъ долженъ относиться къ нимъ, представляетъ окружающее такъ, какъ бы оно должно ему служить какъ центру, что̀ на его взглядъ подтверждаетъ служеніе ему старшихъ (въ виду собственной его безпомощности). Конечно, въ немъ невозможна та широкая безнравственность, которая встрѣчается у полузнающихъ жизнь. Но самая точка зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на окружающее, которая управляетъ его поведеніемъ, волей, прямо клонитъ его быть пристрастнымъ къ себѣ, своекорыстнымъ. Въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ по внѣшности одинаковыя дѣйствія; но только въ первомъ случаѣ за совершаемымъ всегда будетъ видѣться выработанное и законченное житейское искусство человѣка, который живетъ по соображенному плану и къ несчастію. вѣренъ себѣ, послѣдователенъ; въ

другомъ — первобытную стихійность, въ которой вмѣсто соображеннаго плана руководятъ низшіе инстинкты природы, какъ болѣе видные, и которая допускаетъ хорошую непослѣдовательность постояннаго сочувствія къ высшимъ залогамъ, потому что они также природны, изъ начала, опредѣляющаго здѣсь планъ жизни, не исключаются, а наоборотъ—заключаются въ немъ. Въ обоихъ случаяхъ мы одинаково вправѣ выразить свое опасеніе за будущее словами г. Спасовича: отъ чернослива и т. д. до банковыхъ билетовъ не далеко; только въ одномъ случаѣ этотъ конецъ человѣка вовсе и не долженъ удивлять; въ другомъ же человѣкъ самъ не зналъ, куда шолъ, и какъ онъ по привычкѣ, машинально скатывался больше и больше внизъ, такъ безспорно онъ могъ окрѣпнуть на нравственномъ пути — лишь бы и этотъ путь давалъ ему живыя впечатлѣнія. Словомъ, приходится соображать одно то, что вѣдь при разницѣ въ области намѣреній, внутреннихъ симпатій человѣка прямо къ безнравственному, поступки-то въ обоихъ случаяхъ одинаково безнравственны объективно. И это, разумѣется, соображать надо; но въ разсужденіи дѣтей—въ томъ лишь смыслѣ, что дѣти не должны совершать безнравственныхъ поступковъ, а отнюдь не въ томъ, чтобы они были роковымъ образомъ наклонны ко злу. Во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ человѣческаго склада, мы обязаны руководиться и въ разсужденіи дѣтей сдерживать свою строгость тою мыслію, что человѣкъ нравственевенъ отнюдь не машинально, что здѣсь предполагается, требуется развитіе; а поэтому такъ и должно быть, что менѣе развитый менѣе нравственевенъ, и стало быть мы должны смотрѣть не то, нравственевенъ ли онъ съ точки зрѣнія высшаго идеала нравственности, но то, нравственевенъ ли онъ столько, сколько можетъ быть такимъ при своемъ возрастѣ, развитіи. При подобной же постановкѣ вопроса трудно не считать наклонность дѣтей ко злу крайне условной. Всѣ мы отлично знаемъ, что въ принципѣ дитя — полный оптимистъ, всѣмъ благожелатель, всегда сочувствуетъ доброму и чутьемъ отшатывается отъ злыхъ, иногда умѣющихъ замаскиро-

вать себя предъ болѣе взрослыми. Но какъ только дѣло касается дѣятельности, какъ только правильная дѣятельность требуетъ отъ него жертвы или сдержки, какъ только извѣстное отношеніе требуетъ подавить живо затронутое чувство (напр. обиды, непосредственно вызывающей месть), въ такомъ случаѣ дитя и впослѣдствіи отрокъ—пасуютъ. Почему?—Широту, идеальность нравственной жизни они чувствуютъ, угадываютъ чувствомъ, прирожденными и только испорченными въ наслѣдственной передачѣ задатками, которые вложены Высочайшимъ Творцомъ. Но они чувствуютъ ее въ томъ смыслѣ, что жизнь по моральному счоту даетъ грандіозныя и таинственно, неизвѣданно новыя впечатлѣнія. Добыть же такія впечатлѣнія они не въ силахъ, потому что для этого требуются бо́льшія, чѣмъ ихъ силы, сообразительность, выдержанная терпѣливость и твердость, не сбивающаяся съ пункта многими сбивающими ее случаями. Поэтому они и довольствуются впечатлѣніями низшими, склонны и привыкаютъ къ жизни на низшемъ строѣ. Поэтому же и мы — воспитатели въ привитіи нравственныхъ началъ должны помнить, что вся бѣда дѣтей именно въ недостаткѣ умѣнья, но что высоту нравственной жизни они понимаютъ также живо, какъ и мы, хотя бы и съ своей точки зрѣнія: словомъ, что природа ихъ не зла и потому добрыя сѣмена сѣять намъ здѣсь не приходится.

Если карающее обученіе не имѣетъ мѣста, какъ рѣзкое внѣшнее впечатлѣніе, которое нужно, чтобы поселить и прикрѣпить чуждыя природѣ дѣтей моральныя правила, то съ самаго перваго взгляда его прямо вызываютъ слабость и забывчивость воли, которая поэтому нуждается въ ощутительнѣйшемъ стимулѣ—въ чувствѣ страха. Педагогъ [1]), который подвергаетъ рѣшительному сомнѣнію тѣлесное наказаніе, потому что оно удерживаетъ человѣка при морали изъ страха—изъ начала недостойнаго,—педагогъ этотъ забываетъ простѣйшую, навѣрно испы-

[1]) Zerrener, Hülfsbuch f. d. Lehrer u. Erzieher. Leipzig. 1834. B. III, p. 73. На этомъ же основаніи Нимейеръ (p. 67) по крайней мѣрѣ на половину ослабляетъ признанную имъ умѣстность наказаній.

танную имъ же самимъ вещь. Когда человѣкъ добръ ради добра, мораленъ въ высшей доступной людямъ формѣ, даже и въ такомъ случаѣ, если не для удержанія себя отъ появляющихся по временамъ склонностей, противорѣчащихъ закону ума, если не для наибольшаго укрѣпленія себя на этомъ законѣ, то по памяти о ветхомъ стихійномъ человѣкѣ, онъ въ душѣ чувствуетъ не одну любовь къ правдѣ, но и страхъ поступить противъ правды. Полнота моральной склонности слагается изъ двухъ стимуловъ: одного къ ней располагающаго и другаго отталкивающаго отъ противоположнаго; таково устройство человѣческаго духа, и потому страхъ—не недостойное начало: онъ всегда будетъ, если будетъ опредѣленная рѣшимость жить по нравственному закону. Только рѣчь у насъ не о принципѣ страха, а о томъ страхѣ, который является отъ тѣлесныхъ наказаній, и, признавая законность принципа, мы обязаны еще спрашивать о законности своеобразнаго употребленія этого принципа. А при обсужденіи этого, намъ послѣ сказаннаго выше остается обсудить только тѣ случаи, гдѣ страхъ новаго непріятнаго ощущенія только лишь подкрѣпляетъ волю. Но тѣмъ и обнаруживается больная сторона мѣры, что указаннымъ исключительно полезнымъ образомъ страхъ дѣйствуетъ лишь на такія натуры, которыя благодаря тому или другому уже привыкли, пріучили себя браться за умъ за разумъ, когда медлить болѣе уже не возможно. Только въ этомъ случаѣ протестъ самосохраненія, при тѣлесномъ наказаніи прямо неизбѣжный, ослабляется и скоро погашается чувствуемой особенно свѣжей энергіей къ доброй дѣятельности. Есть, разумѣется, случаи, гдѣ протестъ физическаго самосохраненія уничтожается другой причиной. Извѣстно, что Песталоцци въ горячности бивалъ дѣтей больно, и они не ставили ему этого въ счотъ, и вообще то вѣрно, что тѣлесный страхъ принимается дѣтьми какъ вещь заслуженная и должная, какъ скоро питомцамъ самимъ очевидно, что все это дѣлалось изъ безкорыстной любви къ нимъ, которую Дуршъ справедливо ставитъ критеріемъ пріобрѣтенныхъ правъ родителей—карать. Однако, если взять дѣло такъ какъ оно есть

въ практикѣ и должно быть по существу, тогда надобно сообразить во первыхъ то, что, по совершенно справедливому указанію Дуршемъ мѣстъ Св. Писанія [1]), опредѣляющихъ любовь какъ принципъ, какъ законъ, заправляющій наказаніями въ практикѣ, — эта любовь безспорно крайне скупа на подобныя мѣры, и потому, значитъ, наказанія здѣсь весьма рѣдки, представляютъ не ситему воспитательства, а отрывочные случаи, такъ что въ виду ихъ не слѣдовало бы поднимать и вопроса о наказаніяхъ. А главное, во вторыхъ, пусть признаютъ безчисленное множество другихъ возможныхъ условій, тоже открывающихъ тѣлесному страху просторъ дѣйствія исключительно благотворнаго и такимъ образомъ рѣшительно отвергающихъ, чтобы была только та единственная сфера этого дѣйствія, которая указана нами какъ единственная. Но мы не будемъ забывать и того, что вѣдь въ практикѣ можетъ быть благотворному дѣйствію страха расчистили дорогу *мы* своимъ условіемъ, отстранявшимъ препятствіе къ этому въ самосохраненіи, а можетъ быть и *не мы*,—и дѣйствовало здѣсь совсѣмъ не наше условіе. Не забываемъ той вездѣ обнаруживающейся косности, по которой дитя, понятно почему, любитъ преимущественно побужденія къ дѣятельности положительной, или отрицательной (сдерживаніе какого-либо стремленія) такія, какія помогаютъ ему дѣйствовать съ возможно-меньшими активными усиліями. Вотъ эта косность прежде и сильнѣе всякихъ нашихъ условій производитъ то, что дитя—и озлобляется, когда испытываетъ тѣлесное наказаніе, и примиряется съ тѣлеснымъ страхомъ на томъ самомъ пунктѣ, который у насъ опредѣляетъ сферу, гдѣ благотворному дѣйствію страха голосъ самосохраненія не мѣшаетъ,—на томъ чувствѣ довольства собою, которое испытывается, когда видишь, что можешь дѣлать, или сдерживать себя безъ особенныхъ усилій воли. И отсюда-то предъ нами обрисовывается та стихійность натуры, которую въ лучшемъ своемъ дѣйствіи производитъ

[1]) Мѣста указываются въ I Коринѳ. XIII, 4—5; Ефес. VI, 4—5; Колос. III, 21.

страхъ тѣлесный, которая отрицательно опредѣляется какъ отсутствіе, невліятельность духа образованнаго, въ силу чего при всемъ богатствѣ своего матеріальнаго и формальнаго развитія духъ все-таки не есть законъ для человѣка, просто не можетъ быть руководителемъ послѣдняго. Какія бы тамъ оправданія нашей наказательной практики намъ ни представлялись (напр. дитя вовсе ужъ не хрупкая статуя, такъ что затроньте вы его духъ и его нестанетъ), однако означенное опредѣленіе остается вѣрнымъ въ томъ смыслѣ, что своей практикой мы создаемъ коренную основу для потери, неимѣнья на дѣлѣ духа, хотя бы и при большомъ его развитіи; поэтому, если основу мы создаемъ, то совсѣмъ странно не принимать на свой счотъ и не ожидать встрѣчаемыхъ здѣсь и тамъ ея послѣдствій. Согласимся, что питомецъ долженъ имѣть надлежащее чувство дѣйствительности, т. е. долженъ понимать и помнить, что есть дѣйствительность, что онъ обязанъ находиться въ отношеніяхъ къ ней правильныхъ, трезвыхъ, а не въ тѣхъ фантастическихъ, по которымъ онъ считаетъ себя непосредственнымъ владыкой всего окружающаго. Согласимся дальше, что это отрезвляющее познаніе дѣйствительности какъ въ полномъ, такъ и въ ограниченномъ размѣрѣ можетъ войти въ питомца не иначе, какъ чрезъ чувствительность тѣла, чрезъ внѣшнія чувства. Но и здѣсь возможна глубокая разница въ способахъ. Мы не умерщвляемъ духъ въ основѣ только тогда, если ознакомляемъ питомца съ дѣйствительностію чрезъ дѣйствіе на его чувства благородное — такое, при которомъ его воображеніе можетъ и расположено подхватывать всѣ указанія тѣлесныхъ чувствъ, творить умственные портреты дѣйствительности. Тутъ открывается полный просторъ для духа, для его распорядительства; и если мы не знаемъ, до какой глубочайшей дали можетъ дойти человѣкъ въ своемъ прогрессѣ, то всетаки идеальную высоту жизни по духу мы можемъ понимать, судя по общимъ основнымъ чертамъ ея (моральная высота и эстетическая правда закона ума, даваемыя имъ — систематическій порядокъ, резонная основательность въ дѣйствіяхъ и внутреннее, непри-

зрачное спокойствіе). Но, видите ли, этотъ способъ не дѣйствителенъ, (т. е. — если позволите сказать то, что здѣсь ни обосновать, ни развить, ни даже опредѣлительно выразить я не могу — этотъ способъ безъ всякаго основанія истиннаго и по в. многимъ неправильнымъ мы представляемъ въ такомъ конкретномъ видѣ, при которомъ онъ и на самомъ дѣлѣ не годится). Намъ нужно спѣшить и потому прибѣгнуть къ другому неблагородному способу — къ сильнымъ возбужденіямъ тѣла. И конечно, въ этомъ случаѣ мы хорошо можемъ доказывать, что ничего другаго не дѣлаемъ, какъ только внимательность ума и воли питомца извнѣ подкрѣпляемъ соразмѣрно ихъ слабости. А выносливость питомца даетъ намъ право уже рѣшительно утверждать, что и на самомъ дѣлѣ ничего другаго не остается дѣлать. Такъ; но какое право мы имѣемъ предполагать на своей сторонѣ благопріятный шансъ — выносливость, когда, ея можетъ и не быть; когда расчитывать на нее такъ, какъ расчитывается здѣсь („ничего... какъ съ гуся вода, потому что выносятъ же другіе") вещь никуда негодная потому, что есть выносливость, которая прямо не желательна, о которой такъ давно сѣтуютъ, какъ о темной чертѣ русскаго народа? Если же суть своего карательнаго обученія мы будемъ опредѣлять по существу и отказавшись отъ благопріятнаго шанса для себя въ выносливости, въ такомъ случаѣ трудно не увидать, что только потомъ, *во вторыхъ* мы придаемъ волѣ и уму питомца надлежащую трезвенность; а *прежде всего* мы дѣлаемъ иное. Начальными впечатлѣніями, изъ которыхъ — извѣстно — какъ изъ зерна, выростаетъ соотвѣтственный цѣльный складъ человѣка, мы ставимъ такія впечатлѣнія, которыя положимъ и обезпечиваютъ постоянное вниманіе питомца къ отрезвляющей его дѣйствительности, но которыя ограничиваютъ его чуткость къ дѣйствительности воспріятіями сильной физической боли. Отсюда умомъ въ человѣкѣ становится сильно возбужденное мускульное чувство — физическія утраты, сперва въ узкомъ смыслѣ понесенныхъ страданій тѣла, потомъ въ широкомъ смыслѣ (сильныхъ ущербовъ внѣшняго благополучія вообще). Остальныя же чувства и

само мускульное при слабомъ возбужденіи, то, что бы открывало просторъ уму, поучительное свое значеніе теряютъ, просто потому, что не приводятъ человѣка въ сильное, потрясающее волненіе. А послѣ этого можемъ ли мы по совѣсти сказать, что не обрекаемъ питомца на тотъ эмпиризмъ, по которому человѣкъ усвоиваетъ новое правило житейской и моральной смѣтливости *послѣ того*, какъ отсутствіе, несоблюденіе этого правила неоднократно повредило его благосостоянію? И не обрекаемъ ли мы питомца на тотъ эмпиризмъ въ житейскихъ сношеніяхъ, по которому отъ понятныхъ крайностей, какія порождаетъ предвзятое ожиданіе отъ людей только плохаго, человѣкъ освобождается лишь въ такомъ случаѣ, когда обтерпится — не столько активными средствами и усиліями предъупреждаетъ возможныя здѣсь непріятности, сколько дѣлается къ нимъ нечувствительнымъ, благодаря ихъ частому повторенію. Опять привычка дѣйствовать подъ угрозой крупныхъ потерь заставляетъ человѣка дожидаться этого сильнаго возбудителя; почему нерѣдко субъектъ запускаетъ свои дѣла до послѣдней степени, пробуждается, когда не принять дѣятельныхъ мѣръ значило бы потерять самое существенное; а потомъ, сдѣлавши что нужно и впопыхахъ, со грѣхомъ пополамъ, снова погружается въ квіэтизмъ. А при рѣшимости человѣка руководиться необходимостями логическими (соображеніями) память воли о сильныхъ возбудителяхъ къ дѣятельности запугиваетъ чувствомъ унизительнаго безсилія дѣйствовать, когда на лицо нѣтъ рѣзкой опасности. Отсюда уже просто по желанію—и не доводить своихъ дѣлъ до послѣдняго и не встрѣчать очевидныхъ доказательствъ своего малодушія—человѣку естественно прибѣгать по крайней мѣрѣ періодически къ искусственнымъ возбужденіямъ физическимъ, сила которыхъ съ теченіемъ времени должна быть увеличиваема. Въ общемъ вынужденность дѣятельности производитъ то, что жизнь человѣка внѣшняя, жизнь воли идетъ стихійно какъ бы полосами, и дѣятельная полоса въ жизни появляется не просто періодически какъ приливъ за отливомъ, но какъ нѣчто экстренное, и не бываетъ того постоянства идущей ровно изо дня въ день дѣятель-

ности, какое всегда доставляетъ и обезпечиваетъ законъ ума. Столкновеніе съ дѣйствительностію на такой почвѣ (сильныхъ непріятныхъ ощущеній мускульнаго чувства), гдѣ дѣйствительность является силой подавляющей, производитъ то, что мѣркой, критеріемъ всего становится внѣшній успѣхъ, какъ бы ни говорило противъ его собственное завѣдомо основательное разумѣніе. Потребность выхода изъ такого положенія располагаетъ болѣе сильныя натуры къ тому разладу съ окружающимъ, въ которомъ человѣкъ, желая показать себѣ свою независимость, переходитъ мѣру: по скольку прожитое подчиненіе внѣшнему заставляетъ его отрицать такія воззрѣнія и правила, которыя безъ памяти объ этомъ онъ принялъ бы, которыя подтверждаются внутреннимъ закономъ. И чуть ли *это* стремленіе къ свободѣ для сильныхъ натуръ не бываетъ источникомъ той искусственной смѣлости, по которой человѣкъ самъ ищетъ случаевъ ставить себя въ такія критическія положенія, гдѣ вопросъ быть или не быть, съумѣю или не съумѣю, представляется ему въ рѣзкой формѣ не забытаго еще вопроса физическаго самосохраненія. Подобныя явленія поражаютъ насъ грандіозностію характера, но—въ томъ лишь случаѣ, когда поразительная сила духа вызвана особенными обстоятельствами и отстаиваетъ собою какую либо правду. — Не говорю того, чтобы мы именно своимъ наказательнымъ обученіемъ создавали всѣ эти и подобныя выраженія пассивности. Но безспорно, что та узость отрезвленія питомца дѣйствительностію чрезъ сильныя ощущенія мускульнаго чувства, которую мы практикуемъ, вѣрнѣе всего такъ и останется— въ послѣдующей жизни питомца со всѣми своими послѣдствіями; такъ какъ съ одной стороны *эти* первичныя впечатлѣнія совершенно сильны сдѣлаться господствующими законодателями даже противъ воли питомца; а съ другой вытекающій изъ нихъ законъ механической жизни слишкомъ уже совпадаетъ съ непосредственной косностію дѣтей, о которой сказано выше. Безспорно, что мы должны—не прибавлять отъ себя физическія боли, такъ плохо рекомендующія питомцу дѣйствительность и такъ сильно убивающія въ немъ актив-

ность духа; а всячески стараться поднять бодрость духа, подавляемую болями, которыя приходятся на долю неопытнаго питомца изъ общаго движенія, или дѣйствія природы; безспорно наконецъ, что первобытная форма обученія механическаго не просто противоположна съ культурной формой обученія дидактическаго; но прямо уничтожаетъ то, что хочетъ сдѣлать послѣднее. Кто полагаетъ, что прибѣганіе къ наказаніямъ изрѣдка не мѣшаетъ дѣлу, тотъ или судитъ по примѣрамъ дѣтей, для которыхъ палка уже сдѣлалась при всей своей непріятности необходимымъ подспорьемъ, или довѣряется своей проницательности въ мѣрѣ, несогласной съ тѣмъ смиреніемъ, которое подсказываетъ, что причина безъ дѣйствія не остается, что о слѣдствіяхъ причинъ намъ лучше, вѣрнѣе судить по тѣмъ случаямъ, гдѣ причина дѣйствовала съ большей силою; тотъ наконецъ завѣдомо допускаетъ непослѣдовательность, потому что если ужъ мы хотимъ дѣйствовать на психическую сторону въ питомцѣ, такъ всю свою опеку въ каждой мелочи должны сосредоточить на развитіи внутренняго мотива. Я очень хорошо понимаю, что серьезная причина, по которой держатся наказанія, лежитъ въ методологическихъ недостаткахъ дидактическаго обученія. Но и то вѣрно, что надежда на другое средство сподручное и легкое мѣшаетъ обратить всѣ силы на выработку лучшаго дидактическаго метода. Этимъ мы прежде всего объясняемъ себѣ то небреженіе, съ которымъ отнеслись и относятся къ теоретически проведенному и практически оправданному хотя въ развитіи ошибочному дидактическому воззрѣнію почтеннѣйшаго І. Б. Гразера...

Дабы читатель не подумалъ, что во взглядѣ на наказаніе намъ принадлежитъ основа, а не подробное только развитіе, замѣтимъ, что основа этого взгляда взята оттуда, гдѣ попеченіе о дѣтяхъ выставляется, какъ попеченіе о Богѣ (Мѳ. XVIII, 5), и статья есть соотвѣтственное современнымъ запросамъ толкованіе замѣчательнѣйшаго мѣста изъ посланія къ Колоссянамъ (III, 12) выражающаго отличительную (въ другихъ религіяхъ не встрѣ-

чаемую) особенность христіанства во взглядѣ на наказаніе: „*Отцы, не раздражайте* (ἐρεθίζετε въ смыслѣ искуственныхъ возбужденій — наградъ и наказаній вмѣстѣ и согласно съ Мѳ. XVIII, 10) *дѣтей, дабы они не унывали*“ (не потеряли духа— οὔκ ἀθυμῶσιν).

С. Соллертинскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки